

18+

ЕГОР ШИЕНКОВ

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ
БОЛЬШОЙ ИГРЫ

Егор Шиенков

От создателей Большой Игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51936109

ISBN 9785449858689

Аннотация

Произведение, основанное на реальных событиях, нереального мира Большой Игры. Философский мистический роман, продолжающий историю книги «Большая Игра. Антивирус». Два года назад Андрей узнал тайну о создании мира и с тех пор скрывается от ее хранителей, живя жизнью обычного человека вдали от больших городов. Но на этом история не закончилась. Обретенное понимание Большой Игры оказалось лишь замочной скважиной в двери бескрайней кладовой ее смыслов, которые приготовили для нас ее создатели.

Содержание

Глава 1. Деньги	5
Глава 2. Бот	20
Глава 3. Работа	43
Глава 4. Максим	61
Конец ознакомительного фрагмента.	77

От создателей Большой Игры

Егор Шиенков

Корректор Екатерина Федорова

© Егор Шиенков, 2020

ISBN 978-5-4498-5868-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Деньги

Ласковое солнце отражалось от полированного крыла большого черного внедорожника, цена которого превышала стоимость любого из домов, обрамлявших улицу, по которой я ехал.

Хотя такое сопоставление ничуть меня не интересовало и уж тем более не льстило. Это все равно что сравнивать имущество взрослого человека и трехлетнего ребенка – они живут в разных мирах. То же можно сказать обо мне и жителях этих грустных избушек.

Большая Игра, если отбросить все попытки рассуждать о ее происхождении, которые могут быть основаны лишь на догадках из области научной фантастики или, что еще хуже, религии, – это по сути своей всего лишь обмен информацией. Каждая точка этого кажущегося пространства формируется информацией – каким-то образом нами воспринимаемой, но тем не менее невесомой и неуловимой субстанцией. Мы можем влиять на ее поток, даже отчасти управлять им. То есть управлять окружающим нас миром. Физический труд управляет информацией с самой низкой эффективностью. Это все равно что выдалбливать в скале собственное имя с целью сообщить его стоящему рядом человеку. Мысль – это уже совсем другое дело: она сама информация в чистом виде. Информация может легко подружиться

с другой информацией и заставить ее течь в нужном направлении. Только надо знать, как управлять этим процессом. Никаких сил тут не требуется, информация очень податлива, но мало кто умеет придавать ей направление так же виртуозно, как это делает Антивирус. То есть я. Поэтому обычные люди или сразу отказываются вообще от каких-то притязаний на победу в Игре, или борются изо всех сил и – тоже сдаются, но чуть позже. При этом, несмотря на статистически явную неэффективность такой стратегии, они продолжают ее превозносить и передавать по наследству. Но как говорил один мой друг из далекого прошлого, больше всех в колхозе работала лошадь – но бригадиром она так и не стала.

В этой истории есть еще один момент, заслуживающий внимания. Я не человек в строгом смысле этого слова. Я Антивирус! Вне зависимости от того, работаю я в Агентстве или нет: моя природа от этого не меняется.

Но об этом после. Пока что просто скажу, что я программа – самосознающая себя программа, часть большой виртуальной Игры под названием реальность. Поэтому я могу достичь, а значит и позволить себе больше, чем кто-либо из обычных людей, то есть игроков. Вопрос только во времени и желании.

У меня было достаточно и того и другого, поэтому в это приятное южное весеннее утро я ехал на деловую встречу, в рамках которой собирался заработать на свой счет еще какое-то количество баллов, символизирующих мое успешное

прохождение Игры. Как известно, баллы эти в нашей Большой Игре называются деньгами.

В этом мире за деньги можно получить очень многое. А что такое деньги? Условный эквивалент благ для реализации механизма удобного их обмена. И ключевым понятием здесь следует считать слово «условный». Они даже не всегда являются какими-то материальными объектами вроде бумажек или монет. Часто это всего лишь все та же информация: цифры на каких-то там виртуальных банковских счетах. То есть сам процесс передачи денег из одного места в другое почти ничего не стоит, ни с точки зрения времени, ни с точки зрения затраты ресурсов. Поэтому Антивирусу сделать так, чтобы какая угодно сумма этих условных очков условно стала его, также ничего не стоит. Даже быть просто сытым – это гораздо сложнее, чем быть богатым. Для того чтобы поесть, надо взять где-то продукты, приготовить из них какое-то блюдо, потом еще и сидеть его жевать: большое количество материальных перемещений в пространстве, на которые надо потратить прилично энергии.

А вот энергетические затраты на то, чтобы необходимая сумма денег стала твоей, минимальны.

Разумеется, те, кто живет в старых домиках небольшого курортного городка, мимо которых я проезжал, со мной бы категорически не согласились, если бы вдруг у нас случилась дискуссия на такую тему. Ведь они уверены: для того чтобы заработать приличные деньги, надо много и упорно трудить-

ся. Особенно если ты их зарабатываешь физическим трудом. Ну и чуть меньше, если труд умственный. Но к вышесказанному мне добавить нечего – в колхозе лошадь тоже нужна, и не одна. А вот больше одного бригадира – это уже нонсенс.

Второй участник встречи уже дожидался меня внутри весьма приличного и необоснованно дорогого, даже по здешним меркам курортной местности, заведения. Об этом свидетельствовало наличие у входа двух автомобилей представительского класса в виде классической пары: седан размером с небольшой военный крейсер и такого же нескромного вида и размера внедорожник охраны.

Двое из очевидных пассажиров внедорожника скучали рядом. Безразличность взгляда, которым проводил меня один из охранников, а также тот факт, что второй охранник вообще никак не отреагировал на мое появление, ставило под сомнение эффективность выполнения ими своих служебных обязанностей. Хотя вполне возможно, что главная, а может и единственная, цель их наличия – это вызывать уважение у партнеров по бизнесу своего работодателя. То есть в данном случае у меня. Такое предположение было вполне логичным, поскольку для того, чтобы отогнать шпану, достаточно и одного бугая, по совместительству шофера, а для того, чтобы защититься от профессионала, нужна служба принципиально другого уровня.

Честно говоря, я бы тоже был не прочь разьезжать с охраной. Есть в этом что-то средневеково приятное. Какое-то

время я даже всерьез задумывался об этом, но потом пришел к выводу, что не могу себе позволить, чтобы кто-то постоянно таскался со мной и по этой причине знал меня достаточно хорошо. Все-таки необходимость скрываться от Агентства не утратила своей актуальности. Да и не особо мне было бы комфортно от того, что рядом постоянно кто-то трется.

Цель моего прихода ожидала меня в отдельном кабинете, коих было в этом заведении несколько. Нужную дверь я с легкостью определил по наличию еще двух обладателей внушительной физической формы в непосредственной к ней близости. Свита, состоящая из четырех человек, даже у меня вызвала легкий укол зависти. Впрочем, тот факт, что меня без каких-либо поползновений в сторону проверки благонадежности моей персоны пропустили в кабинет хозяина, засвидетельствовав тем самым мою несомненную причастность к этому миру серьезных людей и денег, восстановило мысленно попранную мной же честь в своих же собственных глазах.

Из полумрака комнаты ко мне поднялся, расплываясь в приторной улыбке, толстый лысый карлик. Увидев его, я в очередной раз удивился тому факту, что чиновник, то есть политик, то есть публичная личность, может быть таким неприятным на вид. Или это только в моем воображении, под влиянием сцен из американских фильмов про политиков, все они выступают перед избирателями в каком-нибудь аграрном штате, пытаясь произвести положительное впечат-

ление, наличие которого является обязательным условием для продвижения на политический олимп, а у нас депутатство продается в специальных магазинах?

– Андрей! – назвал он мое имя. – Мое почтение! – добавил депутат после секундной паузы, видимо, решив, что с таким продолжением это будет больше похоже на приветствие.

– И вам доброго дня, – ответил я несколько невпопад, пожимая маленькую слегка влажную ладонь.

Это было одним из самых неприятных элементов нашего общения. Рука депутата была на ощупь как лягушка: мягкая, холодная и мокрая. Видимо, когда дизайнеры Игры лепят мерзких персонажей, они считают своим долгом впихнуть в них как можно больше неприятных элементов. И кто только выбирает таких аватаров?

Депутат жестом пригласил меня к столу, и мы уселись на вдохновляюще мягкие диваны.

Если выстроить шкалу под условным названием «деловитость» и выстроить на этой шкале носителей этой самой «деловитости», то выглядеть это будет примерно так. С одной ее стороны будут те типы, которые постоянно спешат сделать дело, этакие суетливые суслики с двумя без передышки звонящими мобилями наперевес. Они производят много лишних движений, звонков, электронных писем и встреч. Все время спешат, ничего не успевают и имеют крайне низкую эффективность всей этой свистопляски. На другой стороне шкалы располагаются персонажи, у которых «все схвачено»,

причем настолько, что, по большому счету, им можно совсем ничего не делать. Поэтому каждое их действие, направленное на развитие собственного благосостояния, производится ими без спешки, а точнее сказать, беспощадно долго. Они могут часами рассуждать на отвлеченные темы на деловых переговорах, долго и с удовольствием есть на деловых ужинах и пить коньяк в своем кабинете половину рабочего дня, если вообще добираются до офиса. Честно говоря, меня раздражали как первые, так и вторые, но вторые все-таки больше. Терпеть не могу их пространные узколобые рассуждения с претензией на житейскую и деловую мудрость. Особенно с учетом того, что большинство из этой группы под условным названием «все схвачено» являются, как и мой собеседник, чиновниками, и их успех в бизнесе зиждется отнюдь не на их умственных способностях или деловой хватке, а всего лишь на влиянии, которое они получили вместе с возможностью принимать решения о распределении бюджетных денег. Причем чем ближе по шкале к этому полюсу, тем выше процент чиновников, а область, близкая к абсолютной «все-схваченности», состоит из них на сто процентов.

Как и ожидалось, первый час в обществе депутата прошел за поглощением – этим самым депутатом – обширного обеда в неторопливой беседе на совершенно не интересующие ни одного образованного человека темы. После того как депутат употребил, наконец, все заказанные им блюда и вальяжно развалился на диване с третьим по счету бокалом коньяка

в руках, начался разговор, ради которого я и терпел его общество. Причем не просто терпел, но и делал все необходимое, чтобы находиться с подобным презируемым мной персонажем в приятельских, даже дружеских и почти что доверительных отношениях.

– Ну так что, Андрей Владимирович, пора и о деле поговорить, – обрадовал меня мой собеседник.

– Поддерживаю, – коротко ответил я, опасаясь, что в более пространный мой ответ может случайно попасть смысловой элемент, который уведет чиновника по пути риторического словоблудия.

– Вот документы на земельный участок, о котором мы с вами договаривались. Все полностью оформлено, все чисто, ты уж мне поверь, – депутат протянул мне папку с бумагами.

– У меня нет никаких причин сомневаться.

Я принял папку, без каких-либо притязаний заглянуть внутрь, демонстрируя тем самым доверие своему подельнику. Документы я положил в портфель, из которого тут же извлек увесистый кирпич из туго скрученных между собой пачек купюр достоинством в сто евро и передал их депутату. Тот в свою очередь также не посчитал нужным проверять ни их количество, ни их подлинность.

У нашего совместного доверия было как минимум три причины: во-первых, ни документы, ни деньги не достались нам слишком тяжело, чтобы из-за них особенно суетиться,

во-вторых, ни я, ни, по-видимому, он не знали, каким вообще образом можно на месте проверить подлинность юридических документов и денежных купюр, и, в-третьих, это была не первая и, как мы в тот момент оба думали, не последняя наша сделка, и быть честными друг перед другом было гораздо выгоднее, чем таковыми не быть.

Вот только последнему аргументу было суждено раствориться в Большой Игре спустя всего лишь несколько мгновений. И причиной этому послужили трое вошедших в комнату мужчин.

С учетом того, что на входе стояла охрана, которая не оказала никакого сопротивления, и того удивленно-растерянного выражения лица депутата, прозрачно свидетельствующего о том, что это отнюдь не те люди, которых пропускает его охрана без вопросов, вывода могло быть только два. Это или пришли за мной из Агентства, или за депутатом – из менее таинственной организации. Ответом на мой вопрос послужило удостоверение с фотографией в форме, которое продемонстрировал один из вошедших.

Что ж, это было вполне логичное продолжение игры депутата. Вот только мои дальнейшие планы с времяпрепровождением в тюрьме никак связаны не были. Было очевидно, что облава тремя вошедшими персонажами не ограничивается. Вряд ли посетившие нас сотрудники просто проезжали мимо и ничего не знали о вооруженной охране, которая всегда сопровождала моего собеседника, а значит, под-

готовились соответствующим образом. Я не большой знаток в методах задержания, но обычная логика и отрывки оперативных съемок, демонстрируемые иногда в программе новостей, позволяли предположить, что в операции наверняка участвует ОМОН с автоматическим оружием, что несколько усложняло дело. В подтверждение моей правоты в комнату вошло еще четверо мужчин в масках при полном вооружении и с автоматами наперевес.

Главное – никого не убить! Ведь если мне ненароком случится прервать игру одного из сотрудников правоохранительных органов, это наверняка будет иметь крайне неприятные и далеко идущие последствия. По крайней мере, мне так кажется. Ведь должна же у них быть какая-то профессиональная солидарность. Более того, желательно, чтобы они вообще об участии моей персоны в данной сцене забыли. Ну или хотя бы в дальнейшем посчитали факт моего присутствия незначительным. При этом, если я просто сбегу, особенно покалечив по пути некоторое количество работников органов внутренних дел, сомнительно, что память обо мне потонет в бюрократии никем не читаемых отчетов так скоро, как мне бы хотелось. Поэтому задача стояла исчезнуть таким образом, чтобы ни у кого не было желания меня искать. Но стереть память сразу семерым игрокам не получилось бы даже у Антивируса.

Все эти размышления пронеслись у меня в голове за те несколько мгновений, в течение которых вошедший тыкал

удостоверением в растерянное лицо депутата, а помещение наполнялось вооруженными людьми.

Ситуация была критической, поэтому я остановил Игру.

Точнее, поставил ее на замедленное воспроизведение. На самом деле я точно не знаю, как это работает: вряд ли я замедляю всю Большую Игру, скорее сам начинаю играть настолько быстро, что по сравнению со мной все остальное почти стоит. В таком состоянии я могу даже видеть движение пули, что делает меня практически неуязвимым. Главное – успеть вовремя перейти в этот режим. Беда в том, что такое действие вызывает возмущение в программных кодах Большой Игры размером с ядерный взрыв, и уже сегодня вечером при плановом сканировании контора о нем узнает. А значит, уже сегодня ночью пространство на несколько километров вокруг будет забито ее сотрудниками. Более того, есть подозрение, что они даже будут знать, кто стал причиной этой аномалии. Потому как не многие – я даже думаю, что вообще больше никто, кроме меня, – не могут вызывать изменения в программе Игры таких масштабов. Ведь я что-то типа антивируса-мутанта с точки зрения правил Большой Игры.

Другими словами, начиная с текущего момента у меня было всего несколько часов, чтобы убраться от точки возмущения как можно дальше. Но для начала необходимо было выбраться из ресторана.

Я оглядел окружающую меня картину из медленно движущихся человеческих фигур. Трое вошедших минуту на-

зад определенно меня видели, но вряд ли надежно запомнили. Судя по направлению взглядов, автоматчики если и успели меня заметить, то только в качестве абстрактной угрозы. Значит, мое исчезновение сильно удивит троих, удивит на уровне «показалось» еще четверых, ну и, конечно, удивит на уровне пожизненного шока моего депутата.

При этом особенность ситуации в том, что никто из присутствующих здесь людей, включая будущего участника коррупционного скандала, меня не знает. После своего исчезновения я окажусь призраком, которого непонятно как искать. В результате, даже несмотря на то, что призрак этот являлся источником того самого факта коррупции, на основании которого будет построено дело против депутата, большого раздела в рапортах я едва ли удостоюсь. Более того, авторы документальных упоминаний обо мне будут крайне скупы на подробности, не в силах внятно объяснить, каким образом мне удалось скрыться.

Скорее всего, наличие крупной суммы денег при задержании будет достаточным основанием для того, чтобы если не посадить депутата, то по меньшей мере подержать его какое-то время. Поэтому я не стал жадничать и оставил портфель с евро рядом с депутатом, иначе у сотрудников, организовавших операцию, совсем не останется улики. А люди все-таки работали. Разумеется, и документы, которые принес мне депутат, я тоже не взял, тем более что они уже не представляли никакой ценности после того, как инфор-

мация об афере стала достоянием правоохранительных органов. Поэтому из ресторана я вышел налегке.

Как я и ожидал, на улице несколько застывших омоновцев стояли над лежащими на земле депутатскими охранниками, руки которых были закованы за спиной в наручники.

Перед рестораном стоял мой автомобиль. Уехать на нем я не мог, поскольку тот стоял на паузе вместе со всей Игрой и перемещать его в пространстве с той же скоростью, что двигался я, было невозможно. Сесть в автомобиль, запустить Игру и дать по газам на глазах удивленных омоновцев тоже не выглядело искрометной идеей. Неизвестно, какие им были даны установки перед задержанием, вдруг в них входило что-нибудь вроде «при попытке к бегству стрелять без предупреждения». Пришлось оставить мою автомобильную гордость на растерзание следователям – все равно им не удастся найти ничего путного. Машина записана не на меня, личных вещей я в ней не храню, моих отпечатков пальцев в базе нет. Есть, конечно, риск, что теперь они там появятся и об этом узнает Агентство. Но после моих манипуляций с постановкой на паузу это уже было неважно.

Я вышел на дорогу и побежал. Не потому что куда-то спешил, а просто потому, что преодолеть необходимое мне расстояние шагом было бы слишком долго и поэтому скучно.

Я бежал и думал о том, что я весьма авантюрным образом зарабатываю себе на жизнь вполне приличные деньги. Что при моих возможностях я мог бы зарабатывать не мень-

ше более спокойным и солидным способом, не включающим в себя заискивающее общение с чиновниками местного значения и марш-броски с целью избежать уголовной ответственности.

Более того, при желании, легальным способом я мог бы зарабатывать и вовсе астрономические суммы. Вот только желание это было ограничено необходимостью оставаться в тени. Не было никаких сомнений, что Агентство продолжает меня искать. Фамилию я, разумеется, сменил, поэтому информация, которую бы породила моя легальная публичная экономическая активность, никак не смогла бы ко мне привести. А вот фотография в каком-нибудь средстве массовой информации – другое дело. Она вполне могла бы послужить причиной встречи с сотрудниками конторы. В прошлую такую встречу мне удалось избежать ущерба, но учитывая, что большую часть этого успеха обеспечил факт неожиданности, не уверен, что мне удастся этот успех повторить.

Я бежал и злился оттого, что не могу себе позволить иметь ту жизнь, которой я достоин. Даже этот убогий депутат, максимальный пик фантазии которого не может родить идею более оригинальную, чем левое оформление земельных участков, может себе позволить открыто бравировать своим статусом: разъезжать с охраной, скупать элитную недвижимость и вращаться в высшем обществе, пусть даже им в России зовется скопище такого же скудоумного ворья.

Хотя, если честно, это не единственная причина. Правда

еще и в том, что мне это не особо интересно. Существует некий уровень достатка, после которого размер твоего капитала превращается просто в сумму баллов, измеряющую превосходство над другими. Это когда все, что хотелось, уже куплено и позволено, и дальше остается лишь уровень влияния, то есть превосходства над себе подобными. Но от превосходства трудно получать удовлетворение, если оно дается так легко, как в моем случае. Поэтому я застрял на уровне «могу все себе позволить» просто из утилитарных соображений: если уж я и торчу в этой Игре, то хочу в ней пользоваться всем, что можно купить за деньги. А для этого мне достаточно перебиваться всякими сомнительного рода коммерческими предприятиями вроде депутатских махинаций с землей. Все их я, разумеется, завершаю без каких-либо последствий в виде частной собственности. Мне остаются только деньги, моим партнерам – все что угодно, только не информация о моей личности.

Поэтому я бежал через застывшее виртуальное пространство Большой Игры подальше от места своего провала. Разумеется, мой сегодняшний дом находился далеко отсюда. Я не работаю там, где живу.

Спустя несколько часов я уже сидел в самолете. Три пересадочных рейса, билеты, купленные по разным паспортам, – и размотать ниточку, ведущую от очередного взрыва программных кодов, который я устроил, к моему местоположению, будет невозможно. Я в безопасности.

Глава 2. Бот

Я жил в небольшом доме с видом на море. Дом этот построен на крутом склоне, на достаточном удалении от пляжей, чтобы не стать желанным пристанищем отдыхающих курортников. Никаких достопримечательностей поблизости тоже не было, а значит, в процессе их поисков никто забрести ко мне тоже не мог. Благодаря этим двум фактам жилище это удовлетворяло главному моему требованию – оно позволяло отстраниться на время от остального мира в необходимой для моих целей степени. А цели у меня были очень простые. Во-первых, разобраться в происходящем или хотя бы смириться с ним и, во-вторых, решить, что делать дальше. Причем если первое, несмотря на свою фундаментальность, было делом риторическим и если и требовало результата, то не обязательно категорического, а в перспективе могло занять и целую жизнь, то второе было достаточно злободневным, чтобы требовать от меня четкого решения, причем в обозримом будущем.

Большая Игра! Фантастически сложная и красивая виртуальная игра, в которой все мы живем. Живем, не зная об этом, не помня момента входа. Все для того, чтобы никакие воспоминания о мире вне Игры не могли испортить впечатления от процесса.

Но сознание не так легко обмануть. Наверное, потому

что человек – это нечто большее, чем конструктор из клеток, каждая из которых реагирует на воздействие определенным, заранее известным способом. Человек чувствует эту фальшь. Кто-то – совсем немножко, на уровне редких философских мечтаний, а кто-то – сильно, настолько, что готов кричать об этом на каждом углу. А это крайне нежелательно, когда кто-то внутри иллюзии кричит на каждом углу, что это иллюзия. Такой человек – он как вирус внутри игровой программы. И с такими вирусами необходимо бороться. Нужен антивирус, и когда-то таким антивирусом был я.

Внутри Игры есть специальная организация, которая занимается поиском и лечением таких вот вирусов. Я в ней работал. Среди сотрудников это место называется «Агентство» или просто «контора».

Попал я туда чуть более двух лет назад, после того как сам осознал факт существования Большой Игры. Осознал, но кричать об этом не стал. Проявил, так сказать, мудрость и подсознательную лояльность к своим будущим работодателям. Контора это оценила и пригласила меня на работу.

Уточнения ради стоит заметить, что вначале моя функция в Агентстве называлась «модератор», а не «антивирус». Модератор – это такая промежуточная стадия воздействия на игрока перед тем, как полностью увериться в его недобропорядочности и признать вирусом. Достаточно точно можно пояснить разницу между модератором и антивирусом, применив в качестве аналогии различия в функциях психолога

и психиатра. Причем если последнего представить в самом жестком его исполнении: больница, смирительная рубашка, сильнодействующие лекарства. Психолог борется с небольшими отклонениями при помощи мягкой терапии, в течение которой человек сам осознает свои проблемы и сам же с ними расстается. Психиатр запирает в больнице, если больной имеет настолько сильные отклонения в работе разума, что может навредить себе или окружающим.

В роли модератора я был добрым наставником на путь истинный для заблудших душ. Я создавал людям условия, в которых они сами приходили к решению, что продолжать жить в Большой Игре по ее правилам – это благо, а бунтовать и пытаться разрушить ее – безусловное зло.

Не так ведет себя антивирус. Антивирус работает с теми, кто уже разбушевался до такой степени, что может навредить Большой Игре. Он их уничтожает, то есть исключает из Игры.

Нельзя сказать, что переход от модератора в антивирус был каким-то заранее подготовленным и бюрократически оформленным актом. Просто в один не особо прекрасный день мой объект модерации оказался гораздо более опасным, чем предполагалось, когда я получил его в разработку. И вместо постепенной трансформации мне было велено его немедленно устранить. И, как ни удивительно это было для меня в тот момент, я выполнил приказ без каких-либо сомнений. В этот момент я и стал антивирусом. Но вернемся

обратно в сегодняшнюю историю, ведь памятуя о том, что отошли мы от нее только с целью дать пояснения, сказано было более чем достаточно.

Итак, все, что мы видим вокруг, – виртуальная Игра. Как она работает – мне неизвестно, и есть подозрение, что этого не знает вообще никто внутри Игры. Во всяком случае, работая в конторе, я так ни разу и не встретил такого человека. А я пытался.

Обычные люди, или игроки, которые живут в Большой Игре, об этом факте, конечно, не знают, потому как это одно из важнейших условий полной виртуализации. Полная виртуализация – она на то и полная, чтобы человек полностью был уверен, что все вокруг на самом деле, а как это можно было бы обеспечить, если бы игроки помнили, откуда они здесь? Вот такая вот замкнутая сама на себя система. На вопрос, кто их сюда засунул, есть наиболее вероятный ответ: они сами. Ответ всего лишь наиболее вероятный, а не точный, поскольку, несмотря на мою карьеру в Агентстве, уверенного подтверждения этому я тоже так и не получил. Но поскольку люди здесь, а почему – не знают, возникает некое причинно-следственное несоответствие, которое весьма очевидно. Это так называемый «эффект белых ниток». Из-за этого некоторых игроков клинит, и периодически возникают некоторые инциденты, которые я устранял в течение двух лет, работая в Агентстве.

Жизнь у меня тогда была совершенно удивительной:

сплошные приключения и тайны мироздания. Но почему-то этого мне оказалось недостаточно, и я пошел дальше. Несмотря на то что я был как будто существом над Игрой, я знал о ней не больше обычного игрока. По сути, все, что у меня было, – это понимание общей концепции организации мира, которую никак нельзя было доказать или опровергнуть. Я, конечно, обладал некоторыми возможностями по воздействию на окружающую действительность, откровенно говоря, даже сверхвозможностями, на уровне чуда. Но это были лишь инструменты, которые выдавала мне контора на время моей службы.

Все это напоминало религию, которая объясняет устройство мира, а в качестве доказательств своей истинности предъявляет чудеса, творимые ее адептами. Причем сами чудеса, как обычно бывает в таких случаях, с объяснением устройства функционально никак не были связаны.

Меня такое положение дел почему-то не удовлетворяло, поэтому я продолжал искать ответы на вопросы о природе Игры и о своих возможностях в ней. Начал экспериментировать, пытаться научиться манипулировать Игрой, ее программными кодами самостоятельно, без инструментов, которые давало мне Агентство. И в конце концов мне это удалось.

Сначала я и не понял, что именно сделал. Все это выглядело как последовательность странных событий и совпадений. Я и до сих пор не до конца понимаю, что случилось,

но факт в том, что я изменил себя, и, как следствие, Игра вокруг меня тоже начала меняться.

К сожалению, все эти трансформации вызвали настолько серьезные аномалии в программных кодах Игры, что это не могло пройти мимо внимания Агентства, и очень скоро меня вычислили. А когда это случилось, к моим откровениям прибавилось еще одно, которое, пожалуй, перекрыло по своему масштабу все прочие. Я узнал, что я не такой же «игрок», как все остальные. Более того, я совсем не игрок – я программа, созданная для борьбы с бунтами внутри Игры, для борьбы с вирусами. И никакого игрока в моем аватаре на самом деле нет и не было.

Узнав это, я сбежал, причем при таких обстоятельствах, что о возвращении не могло быть и речи. Вариантов у меня не было: конторе не нужен был свихнувшийся антивирус, и только легкомысленная оценка со стороны Агентства степени моей свихнутости и тех способностей, что я от этого получил, дала мне возможность уйти живым. Хотя я сомневаюсь, что в моем случае слово «живой» вообще применимо.

Почему так произошло, мне также неизвестно, как и многое в моей истории. Как и с остальными фактами, могу только выдвигать предположения об их происхождении. Вероятно, Агентство не знало, на что я способен, потому что мой случай достаточно редкий (а может, и единственный). Много указывает именно на такое положение вещей. Но, судя по всему, полностью достоверно мне это узнать никогда

не придется. Остается только разбираться в том новом себе, который получился в результате всего произошедшего, и раздумывать, как жить дальше.

Ведь если я всего лишь местная программа, то на мир иной мне рассчитывать не приходится, а значит, стоит миру этому уделить особое внимание.

Тем более что теперь я его чувствую совсем иначе. Теперь это не стационарные мертвые декорации для игроков, а нечто живое, такое же живое, как и я. Все вокруг сделано из того же материала, что и я, а это значит, я все это ощущаю, понимаю, могу с этим общаться и даже управлять.

Не то чтобы я мог одним взглядом разнести дом или летать, как Супермен, это мне недоступно, по крайней мере пока. Но зато я могу скользить по граням законов и закономерностей этого мира, перепрыгивая с одной их линии на другую. Могу даже изгибать эти линии – незначительно деформируя пространство-время, совсем чуть-чуть, так, что в самой программе Игры не остается и следа, по которому меня потом можно было бы найти, или достаточно сильно, чтобы получились серьезные изменения в виртуальном мире, где я живу. Эта Игра дышит – и я дышу вместе с ней, дышу с ней в унисон, а она готова дышать в унисон со мной, даже если я специально слегка изменяю ритм этого дыхания.

То, чем я занимался первые полгода своей отшельнической жизни, по-другому мне и не описать. Слушал дыхание Игры и дышал с ней вместе. Спустя шесть месяцев этот про-

цесс перестал приносить мне новизну ощущений, и я решил, что пора двигаться дальше.

Теперь необходимо было решить, что делать в практическом смысле. Несмотря на приобретенные мной способности, которые открывали перспективы практически в любых областях деятельности, какие бы я ни выбрал, этот вопрос не выглядел тривиальным.

В самом деле, чем бы таким заняться во второй половине самой что ни на есть единственной жизни? Ведь что ни говори, а у обычного человека есть какая-то неистребимая уверенность, что смерть – это не конечная остановка. Что потом будет что-то еще. И эта уверенность снимает большую часть ответственности за результаты прожитой жизни. Конечно, мы любим повторять заезженные приторные банальности, что, мол, «жизнь дается один раз», «проживай каждый свой день как последний» и про стыд за «бесцельно прожитые годы», но на самом деле все эти слова не проникают в нашу душу достаточно глубоко. Мы твердим эти поговорки и верим в них, как пионеры на закате коммунизма верили в слова советского гимна и пионерской клятвы. Вроде слова-то все правильные – но даже детская душа чувствует, что к настоящей действительности они имеют отношение не больше, чем какое-нибудь античное римское право.

Так вот я-то знаю точно, что моя жизнь, напротив, самая что ни на есть последняя и прожить ее действительно надо так, чтобы... А вот чтобы что – на этот вопрос ответ сходу

не приходил. Чтобы не было стыдно? Но перед кем? Ведь никто потом не спросит, да и сейчас не факт, что проследит. Чтобы оставить что-то после себя? Кому и зачем?

Перебирая таким образом все известные мне философские парадигмы по данной теме в попытках сформулировать персональный смысл существования без использования нарратива жизни после смерти и идей вселенской справедливости, я пришел к выводу, что ничего, кроме банальщины вроде «жить в свое удовольствие», придумать не могу.

Решив попробовать для начала остановиться на этом, я начал рассуждать на тему того, что этот простой на первый взгляд процесс может собой представлять в моем конкретном случае. От банальности может родиться только банальность, поэтому продолжением моих размышлений стали женщины и наркотики. Достать денег и на то и на другое проблемой не было, вопросы зависимости и здоровья меня не волновали. Во-первых, потому что терять мне было нечего, во-вторых, потому что со здоровьем моим, скорее всего, ничего не случится. У меня не было даже понимания, сколько в принципе я смогу прожить в том качестве, в котором я пребывал сейчас. Ведь в результате всего случившегося мое тело подверглось значительным преобразованиям. Теперь я выглядел и чувствовал себя как крайне здоровый человек. Вполне возможно, что и механизмы старения у меня замедлились, а пагубное влияние распутной жизни на состояние моего полностью виртуального тела никак не повлияет.

Тогда мне пришла в голову мысль, что первый тезис, про «терять нечего», на самом деле выдан мной автоматически и не выдерживает никакой критики. Ведь получается, что как раз мне-то терять есть что. Моя игра, в отличие от всех присутствующих здесь, последняя.

Конечно, под присутствующими я не подразумевал ботов – таких же полностью виртуальных персонажей, как и я. А их, судя по всему, немало. Сколько точно – не знаю, потому что отличить их непросто. Настолько непросто, что с одной такой программой у меня чуть не случился роман. Но если руководствоваться соображениями, что боты – это, скорее всего, персонажи с крайне неинтересной судьбой, типа сантехников, нищих или мусорщиков, которые тем не менее необходимы в нашем мире для создания декораций, их очень много, возможно, даже больше, чем самих игроков. Да что уж далеко ходить, я, по сути, тоже бот, может, очень сложный, потому что, видимо, был создан для серьезной роли, роли антивируса, настолько сложный, что сам себя апгрейдил и сбежал, но все-таки бот. Интересно, как себя чувствуют мои собратья? У них тоже есть сознание, как у меня, или они всего лишь сложные программы, которые выдают однозначный, запрограммированный результат в ответ на внешнее воздействие? А если у них есть сознание, то чем они принципиально отличаются от настоящих людей? Чем от них отличаюсь я?

Я где-то читал, что ученым не только неизвестно, как ра-

ботаает сознание, но они даже не могут дать ответ, зачем оно в принципе нужно человеку. Есть подозрение, что сознание родилось в процессе эволюции, но непонятно, с какой целью. Ведь для выживания вида сознание не нужно, компьютеры решают многие интеллектуальные задачи гораздо лучше, чем человек, но при этом сознанием не обладают. Нейронные сети, возможно в ближайшем будущем, будут решать все интеллектуальные, в том числе и творческие, задачи, причем лучше человека. Уже сейчас компьютер умеет писать музыку, не отличимую от человеческой, но сознание при этом у него отсутствует.

Здесь я соскользнул на такую сложную тему, как определение того, что такое сознание, в которой не то что у меня, но и у специалистов нет четких ответов, и чтобы не съехать на этом вопросе еще дальше с пути размышления, который может привести хоть к какому-то результату, я мысленным усилием закрыл ее без дальнейших рассуждений.

Итак, как же провести счастливо остаток долгой жизни свихнувшемуся боту? Начнем с женщин. Тема звучит приятно, но сможет ли большое количество отношений с противоположным полом дать мне материал для достойного времяпрепровождения на долгие годы? Скорее всего, нет. Ведь если свести эти отношения только к физическому удовлетворению, то это очень скоро надоест. Любое удовольствие при многократном повторении теряет в силе ощущений. Таковы законы Игры: участник должен двигаться дальше, а не зацик-

ливаться на одном достижении.

Для более же серьезных отношений я пока был не готов. Четкого объяснения, почему не готов, у меня не было, возможно, просто антивирус слишком уж сильно отличается от стандартного мужа и отца семейства. Наверное, несмотря на произошедшее, во мне осталась некая базовая программная основа, в которой не предусмотрены серьезные отношения с реальными игроками.

С наркотиками логика была еще более простая. Меня не устраивал вариант перехода в класс растений. Может, у наркоманов и богатый внутренний мир ощущений, но внешнее проявление его меня не вдохновляло. В моем представлении наркоманом было некое безвольное, плохо выглядящее, низкоактивное существо, превращение в которое было равносильно самоубийству. А при моем ответственном отношении к жизни такой вариант приемлемым быть никак не мог.

В итоге, обобщая свои размышления, я пришел к выводу, что есть в правилах Игры что-то, из-за чего простой путь по дороге примитивных удовольствий не приносит настоящего удовлетворения игроку. Ведь если бы это было не так, то зачем городить такие сложные декорации? Нырнул бы в виртуальный мир, а там просто комната с горами героина и шлюхами – играй в свое удовольствие. Возможно, такие варианты Игры тоже где-то есть, но точно не здесь.

В тот вечер, когда я впервые двинулся по пути этих раз-

мышлений, мне так и не удалось дойти до их конца. Поэтому я решил отложить вопрос до утра. Возможно, во сне мой мозг, или что там на самом деле имеет место быть в нашей виртуальной реальности, переработает все эти идеи и, как это бывало не раз, выдаст неожиданное решение.

На следующее утро я, как обычно, проснулся рано. Вышел на балкон и под первыми лучами солнца сделал нехитрую зарядку, чтобы размять свое виртуальное тело. Не знаю, насколько это действительно для меня было необходимо с точки зрения здоровья, но я получал удовольствие от этих ежедневных процедур. Приняв душ, финальным аккордом которого стало обливание холодной водой, я заварил зеленый чай и вернулся на балкон.

Наступило самое, пожалуй, приятное и удобное для размышлений время суток. Солнце только поднялось над горизонтом и висело еще невысоко над морем, а потому расстояние до той части планеты, на которой я сейчас находился, не позволяло его лучам быть слишком жаркими. Само море, в силу неизвестных мне, но тем не менее, по моим наблюдениям, определенно существующих природно-климатических закономерностей, было с утра спокойно до состояния почти безупречной глади. Ветерок, то появляющийся легким бризом, то отступающий к поверхности моря, тоже не решился нарушать гармонию спокойствия этого утра.

В такой обстановке я вернулся ко вчерашним размышлениям о том, как провести остаток своих дней. Несмотря

на трагичность формулировки предмета размышлений, пребывал я в самом что ни на есть приятном расположении духа. Как это ни удивительно, но после того, как моя судьба определилась таким вот, можно сказать, фатальным образом, мое внутреннее состояние, напротив, стало отличаться недостижимой для прежнего меня – в качестве обычного человека – умиротворенностью. То ли объективный фатализм ситуации избавил меня от самого предмета беспокойства о будущем и сожалений о прошлом, то ли моя нервная система пришла в такое же идеальное состояние, как и физическое тело, и была настолько сбалансирована, что даже уверенность в окончательном прекращении существования не вызывала сильных отрицательных эмоций, то ли в моей программе в принципе не был предусмотрен страх перед абсолютной смертью. А может, это было что-то еще или даже сочетание упомянутых и неупомянутых факторов.

Сделав первый глоток чая, я сформулировал первый постулат для того, чтобы попытаться намотать на него результативные рассуждения. Заключался он в том, что условия счастливого существования заложены в правилах Игры. И если понять, в чем они заключаются, и играть в соответствии с ними, то пребывание здесь будет максимально приятным. Еще будучи сотрудником Агентства, рассуждая на тему причин создания Игры, я пришел к выводу, что это именно «игра» – не тренинг, не испытание, не еще что-то, а игра, то есть мероприятие, устроенное для удовольствия

его участников.

В попытке выжать из сухой теории хотя бы капли понимания, которые могут приблизить меня к разгадке сути Игры, я также посвятил некоторое время изучению литературы на тему игр. Если обобщить все те определения понятия игры, которые встретились мне в различных дисциплинах, от философии до математики, то получалось примерно следующее. Игра – это непродуктивная деятельность, в результате которой участники взаимодействуют между собой и инвентарем игры в соответствии с определенными правилами. Нарушение правил ведет к исключению игрока из игры. Система правил создает специфическое игровое пространство, дополняющее реальность или противостоящее ей. Каждый из участников игры стремится выиграть. Понятие выигрыша также описано в правилах игры. Целью ведения игры является эмоциональное возбуждение его участников и зрителей от самого процесса, а не конечный результат.

То есть для того, чтобы быть в позитиве, мне надо все время выигрывать. При этом понятие выигрыша прописано в правилах, а значит, по идее должно лежать на поверхности.

Игрок должен понимать, в чем цель игры, иначе весь процесс теряет смысл. При этом если верить так называемой теореме Генделя о неполноте, на сведения о которой я наткнулся, пока штудировал литературу по теории игр, то нельзя познать свойства системы исключительно из нее самой – только с позиции более высокого уровня. По крайней мере, та-

ким образом ее преподнес автор той книги, которую я читал. Насколько это верная интерпретация, я проверить не смог, потому как оригинальное изложение этой теоремы выходило далеко за пределы моего образования. Я бы даже сказал, что область моего математического образования с той точки, где находилось понимание этой теоремы, была и вовсе не видна в силу большой удаленности.

Получалось, что, с одной стороны, правила должны быть понятны, а с другой – что понять их можно только с более высокого по отношению к Игре уровня. Но обычным игрокам на этот уровень никогда не подняться – значит, понимание должно приходить оттуда само. Как-то на подсознательном уровне, что ли. Если верить товарищу Маслоу, автору пирамиды потребностей (которую он на самом деле в глаза не видел, поскольку придумали ее уже потом на основании его соображений), то психически здоровый человек на подсознательном уровне хочет тех самых правильных вещей, которые делают его счастливым. И это отнюдь не удовольствия низшего порядка, а самые что ни на есть возвышенные стремления.

У меня были все основания полагать, что я психически здоровый человек, точнее, полностью такому явлению идентичен в контексте Большой Игры. Значит, я должен чувствовать правила и интуитивно играть по ним, при этом выигрывая и доставляя себе тем самым удовлетворение от своего существования.

Для того чтобы придать своим дальнейшим рассуждениям системность, создающую иллюзию процесса продвижения к цели, я решил пройтись по той самой незаконнорожденной пирамиде потребностей, надеясь на ее ступенях найти ответ на свои вопросы.

Итак, первым, самым широким и фундаментальным этажом были физиологические потребности: поесть, поспать да согреться. Здесь у меня проблем не было, то есть полное удовлетворение. Следующий этаж пирамиды – это потребность в безопасности. Тоже сложностей никаких. С учетом моих способностей антивируса нанести ущерб моей безопасности было крайне непросто, если не считать Агентства, от которого я научился скрываться.

Дальше, если верить картинке, скачанной мною из Сети, шли так называемые «социальные потребности», в которые входили общение, внимание, забота, поддержка и подобные стадные дела. Здесь мне пришлось задержаться. Уж чего-чего, но общения у меня не было совсем. Я жил один, и вся моя социальная активность сводилась к регулярным визитам в продовольственный магазин, где я говорил кассирше «здрате» и «спасибо», и нерегулярным эпизодам общения с людьми вроде депутата – в рамках моих коммерческих авантюр. При этом, честно говоря, никакого дискомфорта я по этому поводу не чувствовал и несчастным из-за этого уж точно не был. С другой стороны, раз уж я решил идти по пути логических построений от моих субъективных ощущений,

стоило отстраниться, и поэтому я взял лист бумаги и написал на нем «социальные потребности».

Сделав это, я вернулся к изображению пирамиды, где обнаружил на следующем этаже надпись «потребность в уважении и признании». Тут и думать было нечего: раз у меня полностью отсутствовало удовлетворение социальных потребностей, то и уважения с признанием получить было неоткуда. Поэтому на листе бумаги под словами «социальные потребности» я написал «уважение и признание».

Вершина пирамиды, посредством которой я упражнялся, состояла из трех этажей: «творческие потребности», «эстетические потребности» и «духовные потребности». Тут я снова задумался. Можно ли было признать мою уединенную жизнь полной творчества, эстетики и духовности, или это было всего лишь прозябание и убийство времени?

Ну, с духовностью, скорее всего, было все в порядке. В моем случае ничего более духовного, чем размышление о Большой Игре, и быть не могло, а о ней я размышлял постоянно. Фактически эти размышления и привели меня к тому состоянию, в котором я находился. И процесс этот можно было назвать не иначе как просветление.

Что такое эстетические потребности, я понимал очень примерно. В качестве пояснения на картинке приводился следующий перечень: «любовь, радость, гармония, красота». Неслабый такой разброс. Гармония в моей жизни в целом была. Любовь? Ну разве что к родине, потому как с живыми

людьми я не общался. Красоты вокруг было хоть отбавляй, и это не могло меня не радовать. В общем, на данном этапе я решил признать эстетические потребности удовлетворенными, но все-таки держать этот вопрос про запас.

Оставались «творческие потребности». Немножко поразмышляв над этим понятием, я пришел к выводу, что творчество в моей жизни, скорее всего, отсутствует, поскольку под этим должен подразумеваться какой-то результат, то есть нечто, что было создано в процессе этого самого творчества. А я точно ничего такого не создавал. Поэтому «творческие потребности» также заняли свое место на листе, образовав с предыдущими двумя участниками тройку лидеров.

Итак, если верить моему несложному научному изысканию, для полного счастья мне не хватало трех вещей: социума, уважения с признанием и творчества.

Теперь было самое время задуматься, как мне этими вещами разжиться.

Судя по всему, пребывая в том месте, где я находился, и продолжая заниматься тем, чем я занимался, мне определенно не только не удовлетворить первые две потребности, но и, как выяснилось, творческий свой потенциал не раскрыть. Значит, надо было перемещаться в другую среду. Оставалось понять в какую. Там должен присутствовать социум, то есть люди, которые меня будут признавать. Там надо творить, то есть что-то делать. Самым тривиальным местом, которое удовлетворяло этим условиям, было некое об-

щественное учреждение, функционирующее с получением результата.

Как это ни скучно звучало, но, судя по всему, это была работа в какой-то организации, причем вполне себе обычной! Та самая, от которой я так бодро слинял в незаурядное учреждение под названием Агентство.

Честно говоря, вывод был для меня неожиданным. Поэтому я вернулся в начало логической цепочки, прямо к основанию пирамиды Маслоу, и прошел ее заново. Результат оказался тем же. Я нигде не ошибся. Работа как единственное место, где может быть счастлив мой персонаж, снова появилась в качестве ответа.

Получалось, что после стольких месяцев, которые я провел, можно сказать, пускаясь во все тяжкие и получая таким образом максимальный накал эмоций, я вдруг решаю, что мне необходимо окунуться в самую заурядную жизнь. И рассчитываю на то, что тем самым сделаю свое пребывание в Большой Игре правильным, а значит – счастливым.

Единственное объяснение, которое я мог придумать в попытке подтянуть решение под ответ, – это то, что у каждого игрока, возможно, есть что-то вроде специализации. Сценарий, для реализации которого его личная игра и была запущена.

Несмотря на то что все элементы Большой Игры условно равнодоступны для всех игроков, каждый имеет индивидуальный набор инструментов, таких как личные качества,

физические особенности, обстоятельства рождения и дальнейшего окружения и тому подобное. Этот набор заточен под прохождение игры определенным образом, и если игрок пытается проходить ее иначе, желанного удовлетворения он не получает.

Видимо, с этим и связаны мои неудачи в попытках получить удовлетворение в таких, казалось бы, тривиальных с точки зрения приятности времяпрепровождения вещах, в которые я окунулся после того, как перестал работать антивирусом. Если вспомнить, то гораздо более счастливым временем было для меня то, преждее, – с обычной работой, причем не в Агентстве, а в простой человеческой компании. Несмотря на то что там и в помине не было такого разнообразия удовольствий, которые я теперь мог себе позволить.

Да, судя по всему, все дело в специализации. Есть тусовщики и бабники, которые получают удовлетворение от деятельности в этих областях как раз потому, что именно таким образом правильно проходят свою игру. Есть профессиональные спортсмены, лишённые большинства аспектов нормальной жизни, проводящие все свое время в тренировках, одновременно развивая и гробя свое тело, – и именно это лучший вариант игры для них. Есть отцы семейства, для которых высшая цель – это завести максимальное количество отпрысков и посвятить все свои силы их обеспечению. Есть просто бездельники, которые прекрасно себя чувствуют, проводя время в южных странах, живя на деньги, полу-

чаемые от сдачи в аренду доставшейся по наследству от родителей квартиры в одном из экономически активных городов мира.

А есть некто, рожденный быть... Простым клерком? Тот, кто получит душевное спокойствие, только если будет... Будет делать что? И как на все это накладываются способности антивируса? Они у меня случайно, что ли, появились, не в рамках моего игрового сценария? Это была программная мутация, которая сделала из меня антивируса, и Агентству ничего не оставалось, кроме как взять меня на работу?

Неужели после двух лет жизни в качестве модератора живых людей, после того что случилось с моим персонажем, после того как я узнал, что являюсь всего лишь программой-антивирусом в этом виртуальном мире, и после того как сбежал, полностью порвав связь с прошлой жизнью, и провел несколько месяцев почти как отшельник, мне следует вернуться к тому, что было до всего этого? Пойти на работу?! То есть все эти приключения, которые свалились на меня в Агентстве, на самом деле свалились на меня по ошибке? Может, поэтому меня и переклинило? На самом деле я программа, которая должна работать офисным клерком, то есть фактически офисный бот. А если я бот, то из этого следует, что мой удел – занимать какую-то незначительную должность, для того чтобы создавать фоновую декорацию для аватаров настоящих игроков, пока они будут рваться к вершинам карьеры, власти и финансового благополу-

чия. Чтобы они потом в своих отзывах где-то в божественной Сети писали положительные комменты и ставили лайки. Вроде того, что игра огонь, сюжет классный. Из минусов: графика средняя и второстепенные персонажи какие-то скучные.

Это звучало невероятно, даже, можно сказать, оскорбительно. Но сколько я ни пробовал найти нестыковку в своих умозаключениях, сделать этого я не мог, тем самым все больше убеждаясь в их справедливости. В результате я смирился. К тому времени, когда это произошло, солнце снова спряталось за горизонт, теперь уже позади дома. Море, которое было охвачено легким беспокойством в течение дня, превратилось в зеркальную гладь, вид которой, как ни странно, окончательно убедил меня в верности моих рассуждений. «Так тому и быть», – сказала мне море. Теперь осталось придумать, куда мне податься. Но об этом я решил поразмышлять завтра.

Глава 3. Работа

Утро следующего дня я провел полностью аналогично дню предыдущему, в результате примерно в то же самое время я оказался на балконе с видом на море и чашкой чая в руках. В этом положении мне предстояло придумать практическое применение моим, можно сказать, унижительным выводам о том, что моя вселенская задача – быть обычным офисным работником. То, что именно офисным, как-то определилось само собой. Инженером или тем более мастером на каком-нибудь заводе я себя представить не мог. Во-первых, потому что у меня не было для этого необходимых навыков, а во-вторых, потому что просто не мог.

Несмотря на то что я приговорил себя вчера к роли бота-декорации, сегодня я решил этот вывод упразднить и определить себе судьбу активного и успешного игрока. Все-таки наличие способностей антивируса – это не тот факт, который можно игнорировать как не влияющий на разворачивание сценария, а значит, мое самоопределение имело все права на практическую реализацию.

Значит, нужна была офисная работа, по возможности интересная. Что значит интересная с точки зрения Игры? Веселое, творческое занятие, к которому лежит душа? Интернет пестрит рассуждениями на тему «найди дело своей жизни и брось ненавистную работу, и будет тебе счастье и процве-

тание». Концепция вроде понятная, но как-то трудно реализуемая. А основная трудность ее состоит в толковании. Если понимать ее буквально, то процесс этот представляется чем-то светло-безоблачным, таким приключением увлеченного человека, самозабвенно погруженного в свое призвание, который отвлекается лишь на то, чтобы содрогнуться от очередной волны накатывающего счастья.

Реальность же состоит в том, что все это неправда, и толпы игроков, начитавшись подобного популярного трепа, рыщут в поисках «своего дела» и не находят, занимаясь годами лишь великим поиском себя, вместо того чтобы с удовольствием играть. А неправда это потому, что противоречит правилам. Даже не правилам, а самой механике игры. Причем не только Большой Игры, но и игры вообще.

Игра по своей сути есть преодоление препятствий в процессе соревнования с другими игроками или с самим собой. Чтобы делать это все лучше и лучше, повышая тем самым вероятность выигрыша, надо тренироваться. Таким образом, представление о Большой Игре как о чем-то легкомысленном, безответственном, не требующем усилий, дисциплины и усердия, в корне неверно. Смысл Игры – в преодолении соперника, кто бы или что бы ни представлялось в этом качестве. А для этого надо быть хорошим игроком. Чтобы им стать, необходимо потратить много сил на оттачивание навыков игры. Универсальная характеристика любых игр состоит в невозможности стать хорошим игроком без усилий.

Без усилий можно стать только зрителем. Только самодисциплина и постоянное совершенствование собственных игровых навыков дает шанс выиграть. Поэтому идея реализации своего призвания без усилий несостоятельна. Как сказал один из великих игроков прошлого, «успех – это десять процентов таланта и девяносто процентов труда».

В общем, выбирать сферу деятельности из соображений «к чему душа лежит» я не стал. Мне нужна была область достаточно масштабная, чтобы включать в себя продолжительную карьерную лестницу и предоставить максимальное разнообразие для игровых сценариев.

После того как я взял в качестве исходных данных такие условия, над вопросом выбора сферы деятельности долго размышлять не пришлось. Каждый российский житель знает, где сосредоточены самые астрономические объемы денег, а следовательно, и вся серьезная движуха. Две области, откуда поступают наибольшие объемы денежных средств в виде налогов в бюджет страны, – это газ и нефть. Несмотря на то, что первое, если верить новостям, даже более денежное место, второе все-таки звучит более фольклорно и даже эпично. Чего только стоит высказывание одного из героев модного и с претензией на интеллектуальность современного писателя о том, что «вся культура России – это лишь плесень на нефтяной трубе». В общем, что бы ни говорили поборники инноваций, нефть – это звучит гордо! И пока еще в нашей стране так гордо ничего больше не звучит.

Продолжая руководствоваться принципами простоты, в нефтяной отрасли в качестве своей цели я выбрал самую что ни на есть крупную компанию. К чести нашего правительства, а может, и наоборот, в упрек ему, она оказалась почти что государственной, то есть принадлежащей стране более чем наполовину.

Ее величиной обуславливалось наличие многих тысяч рабочих мест, из числа которых рождался приличный ассортимент вакансий, не иссякающий никогда. Оставалось только найти позицию, хоть как-то подходящую к моему предыдущему опыту, который в рамках резюме, естественно, безбожно перевирался в угоду работодателю, и напроситься на собеседование. К моей радости, в современном мире все это можно сделать, находясь в любой его точке при Сети и иных современных способах связи. Поэтому мне даже не пришлось вылезать из своего убежища на южном рубеже нашей страны, чтобы проштудировать все, что может предложить мне великая компания, перекроить резюме, как бог черепаху, в соответствии с ее, великой компании, представлениями об идеальном кандидате на желаемую позицию и быть приглашенным обратно в столицу нашей родины на очное собеседование с великим нефтяным бизнесом.

В результате спустя несколько дней я появился в Москве, в огромном зеркально-мраморном вестибюле самой пафосной, по моим представлениям, компании, которая по определению должна была быть сосредоточением интеллектуаль-

ной мощи отечественного менеджмента такой плотности, что уже наверняка превратилась в черную дыру, засасывающую самые яркие таланты в этой области.

Позиция, на которую претендовала моя невзыскательная кандидатура, была пока далека от олимпа топ-менеджмента и скромно именовалась «менеджер по работе с ключевыми клиентами». Судя по описанию на сайте компании, этим самым ключевым клиентам надо было впаривать какие-то смазочные материалы, производимые большой компанией в огромных количествах. Здесь, конечно, этому процессу были даны более благородные названия, как то: «развитие клиентской базы», «поиск новых рынков сбыта» и что-то про портфель этих самых клиентов – но смысл, как обычно, был все тот же. Все-таки что бы ни говорили языки, склонные к скабрезностям, древнейшей была в первую очередь профессия продавца, ведь любое профессиональное занятие должно быть связано с получением за это занятие материальных благ в том или ином виде, а значит, продавец априори появляется в этой цепочке раньше. Даже если это не какая-то отдельная личность, то им приходится становиться самому исполнителю работы, более того – профессионалом он становится только в тот момент, когда начинает продавать результат своего труда другим людям. Таким образом, сначала он продавец, а уж потом, благодаря этому, профессионал в какой-то другой области.

В современном мне мире вся работа в целом делится

на три составляющие: производство, впаривание и потребление. Причем происходит это в несколько повторяющихся этапов, и на промежуточных из них потребление называется «закупка», а на самом первом этапе производство называется «добыча». Ну, например, если взять автомобиль, выглядит это так: добывают руду и впаривают ее на завод, где ее закупают, затем завод производит металл и впаривает его на следующий, теперь уже машиностроительный, завод, где его опять же закупают, потом производят автомобиль, который впаривают человеку. Вот человек уже его не закупает, а «потребляет», и если опустить варианты перепродажи этого автомобиля, то вся цепочка превращается в «добыча – впаривание – закупка – производство – впаривание – закупка – производство – впаривание – потребление». После этого продукция идет в утиль, освобождая место под солнцем другим подобным цепочкам. В описанной последовательности первое повторялось только раз, то есть не повторялось, а последнее вообще с работой было не связано. Значит, в качестве области для трудовой деятельности оставались закупка, производство и впаривание, то есть продажа. Закупать выглядело скучно, в производстве я ничего не понимал, в чем признался себе еще в процессе предварительных размышлений о поисках рабочего места под солнцем, так что выбор, куда идти, был предопределен.

Несколько дней накануне собеседования я провел за чтением всего подряд на тему нефтяного бизнеса и смазочных

материалов – от аналитических статей про динамику изменения цены дизельного топлива в первом квартале текущего года до энциклопедического многостраничного труда об истории освоения нефти. Индексы, котировки, баррели, газойли, базовые масла, присадки и множество другой подобной информации уложилось в моем мозгу в достаточно структурированную кучу, чтобы быть найденной во время собеседования и продемонстрированной перед представителями нефтяной элиты. Честно говоря, слегка применив свои способности антивируса, я мог бы получить эту работу, не проронив на собеседовании ни слова. Но, с одной стороны, синдром отличника, а с другой, желание предварительно изучить болото, в которое я ввязывался, подтолкнули меня к самообразованию.

Накануне со мной связалась девушка с испуганным голосом и, представившись менеджером по подбору персонала желанной нефтяной компании, сообщила, что меня готовы пригласить на собеседование. Именно этой девушке я и позвонил, стоя напротив длинного мраморного прилавка, который служил здесь бюро пропусков.

Девушку звали каким-то редким восточным именем, которое я забыл через секунду после того, как его услышал. Узнав о моем местоположении, она велела получать пропуск и ждать. Спустя несколько минут мы встретились. Менеджер по подбору персонала представляла собой низкорослую, слегка полноватую чернявую особу в больших круглых

очках. Она выглядела так же испуганно, как и звучал ее голос по телефону. Этаким слабым представителем иной культуры во враждебной среде. Казалось, что еще вчера она жила в ауле, младшей дочерью в большой традиционной семье, под защитой трех братьев – воинствующих джигитов, а сегодня ее вдруг вытряхнули в офисный мир большой компании.

Девушка провела меня через турникет, за ним был просторный холл, в который выходили двери шести лифтов. Один из них поднял нас на тринадцатый этаж.

Как оказалось, этот этаж полностью состоял из переговорных комнат разных размеров. На дверях каждой из них, кроме номера, было название населенного пункта. Основываясь на диковинности звучания этих городов, я сделал вывод, что подбирались они на основе географии деятельности компании, скорее всего, по добыче нефти.

Меня посадили в небольшую комнату с названием неизвестного мне до настоящего момента города Бузулука и оставили в одиночестве.

Одиночество не было долгим: спустя пять минут в комнату вошла женщина. Средних лет, с короткой стрижкой, напориста в движениях. Манеры и стиль одежды выдавали в ней делового человека или, по крайней мере, человека, который таким хотел казаться. В чертах лица также угадывались восточные мотивы, хотя и не такие явные, как у предыдущего персонажа.

– Доброе утро, Андрей, – произнесла вошедшая без осо-

бой теплоты, но и не слишком сухо, так что я решил классифицировать ее отношение скорее как дружелюбное. – Меня зовут Алла, я руководитель отдела кадров. Давайте вы сначала расскажете о своем опыте работы, начиная с последней позиции.

Очевидно было, что подобное собеседование вошедшая уже проводила не одну сотню раз. Несмотря на профессионально сконструированную мину заинтересованности и участия, в глазах читалась скука. Поразмыслив секунду и сопоставив факты, я сделал предположения о происхождении этой скуки. Первое, что пришло в голову, так это то, что сидящий передо мной человек недостаточно глубоко разобрался в том, о чем спрашивал. Оно и понятно, откуда сотруднику кадровой службы глубоко знать работу отдела продаж? Соответственно, оценить мой опыт и компетенции она не могла. Конечно, она, возможно, была в состоянии проанализировать меня с психологической точки зрения, используя методики оценки персонала. Но подобные процедуры, скорее всего, присущи продвинутым эффективным компаниям, сущность которых никак не совместима с государственным нефтяным монстром. То есть никакой методической психологической оценкой она сейчас тоже не занималась. Это факт номер два. В общем-то, уже этих двух фактов было достаточно, чтобы прийти к выводу, что ее часть работы носит формальный характер и если и имеет какой-то практический смысл, то он следующий. Первое: создать у со-

искателя ощущение значительности процесса за счет наличия нескольких этапов в собеседовании, что, мол, не все проходят и первый этап. И второе: отсечь сильно неадекватных людей на пути к решающей встрече с руководством.

Основываясь на таком анализе, я и построил свою линию поведения. Я был милым, позитивным, немногословным, но при этом весьма конкретным и исчерпывающим в своих монологах. Уже на первых десяти минутах Алла поплыла от моего обаяния, спустя пятнадцать минут она была уверена, что я просто находка и за то, что она пригласила на собеседование такой самородок, ей положена премия, а может, и почетная грамота.

Поэтому, руководствуясь заведенным порядком, она принялась рассказывать о компании и позиции. Поскольку девушка, разумеется, прониклась ко мне искренним расположением, то несколько отошла от своей отработанной формы информационно-хвалебной речи со стандартными фразами вроде «крупнейшая компания на рынке», «самый широкий ассортимент», «производственные площадки расположены по всей России и за рубежом» и тому подобной ни к чему не применимой информации, которую можно было бы прочитать на официальном сайте, если по трудно представимым причинам она бы кому-то понадобилась. Так вот, кроме этой чепухи, в рассказе Аллы проскакивали участки сочувственной откровенности. Из них я узнал, что компания «достаточно тяжелая», «с высокой конкуренцией внутри коллекти-

ва», «негибкая» и «сильно забюрократизирована». Я решил, что подобные осторожные характеристики означают, что место, куда я собираюсь попасть, скорее всего, большой совковый гадюшник с нулевой эффективностью, который держится на плаву только благодаря своему сырьевому фундаменту. Меня это вполне устраивало.

В ответ на ее исповедь я толкнул короткую, но вдохновенную речь про то, что я все понимаю, что такая солидная компания не может не иметь некоторые сложности, связанные с масштабами бюрократии, что конкуренция внутри коллектива – это даже хорошо, поскольку заставляет становиться лучше, и вообще, трудностей я не боюсь.

Женщина посмотрела на меня с сожалением, но спорить не стала. Вместо этого, пообещав пригласить следующего собеседника, она удалилась.

На этот раз ждать мне пришлось минут двадцать. Видимо, предстоящий мне визави был человеком сильно занятым или просто старался это продемонстрировать. Точку в этом вопросе поставила внешность вошедшего. Лицо его выражало вселенскую скорбь человека, на котором все ездят. Поэтому, а также на основании тех инсайдерских сведений о компании, которые мне достались от предыдущего оратора, я сделал вывод, что мой новый собеседник слишком мягкий и порядочный для здешней конкурентной среды, но по причине то ли ума, то ли удобства его наличия, по мнению более сильных местных акул, кое-какого положения здесь достиг.

Теперь его беда была в том, что это достигнутое положение удерживает его от увольнения по собственному, несмотря на то что нахождение здесь причиняет ему бесконечный стресс.

Честно говоря, к этому моменту мое восприятие данной конторы как сосредоточения самых лучших менеджеров на рынке серьезно пошатнулось. Оба наблюдаемые мной персонажа скорее были похожи на измученных рутинной сотрудниками ЖЭКа, чем на менеджеров международного уровня.

– Доброе утро, – поздоровался со мной вошедший, натянув на лицо улыбку. – Меня зовут Сергей. Расскажите о своем предыдущем опыте и начните с последнего места работы, – весьма предсказуемо продолжил он.

Я снова завел шарманку про свои воображаемые подвиги на ниве реализации нефтепродуктов. Сергей слушал меня гораздо более внимательно, чем Алла, по той простой причине, что разбирался в предмете, мною описываемом. Разумеется, это не помогло ему понять, что половина того, что я рассказываю, – это просто сочинение, а вторая половина, хоть и правда, но сильно заретушированная необходимым образом. Внешне все выглядело очень гладко и убедительно. Уж чего-чего, но убедительно говорить во время работы модератором в Агентстве я научился.

Пока я говорил, через маску унылости Сергея начинала проступать искренняя улыбка удовлетворения тем фактом,

что хоть одну проблему в виде открытой вакансии на вверенном ему участке работы он того гляди с себя снимет. Тогда ему больше не придется тратить время на проведение собеседований, а тот кусок работы, который болтается бесхозным и периодически приплывает к нему (ведь вряд ли он умеет его спихнуть на других своих подчиненных), исчезнет.

Угадав в мыслях собеседника подобную логику, я составил второй, более расширенный, психологический портрет своего будущего начальника. Несмотря на то что человеком он был приятным и неглупым, ему не хватало смелости и харизмы для того, чтобы чувствовать себя комфортно в том месте, где он сейчас работал. С этим было связано постоянное чувство тревоги, которое являлось источником его каждодневного стресса. По-хорошему, ему здесь не место, но так сложилось, что в силу стечения обстоятельств, его покладистости и, вероятно, благодаря уму ему случайно удалось занять здесь некую более или менее приличную должность. И это удерживает его здесь мертвой хваткой. На должность ниже он уже не готов, а страх от мысли прийти на такую же позицию в другую компанию был сильнее, чем каждодневный страх, который он испытывает здесь.

Что это означало для меня в практическом плане? Из этой характеристики мне всего лишь нужно было вывести образ идеального подчиненного и продемонстрировать максимальное этому образу соответствие.

Итак, Сергей испытывал постоянную тревогу на работе,

связанную с выполнением его обязанностей. Он боялся сделать что-то не так и получить атаку со стороны более агрессивных коллег по цеху. Он уже давно признался себе, что чем меньше он принимает во всем участие, тем меньше вероятность накосячить и быть подвергнутым критике. Это с одной стороны, но, с другой стороны, если он не будет вообще ничего делать, он также будет атакован за безделье. И он метался в этом дуализме, разрываемый на части сомнениями. А это значило, что ему был нужен человек, который избавит его хотя бы частично от необходимости принимать решения и возьмет на себя хотя бы часть активности. Причем как можно больше. В идеале всю. И при этом должна быть исключена возможность быть подсиженным. Вот такой вот существующий в измученном тревогами мозгу Сергея был образ его идеального подчиненного. И этот образ и был моей дорожкой в большой бизнес.

Возможно, мой собеседник не имел такого четкого понимания своих целей, но подсознательно он к нему тянулся, поэтому, решив на основании моих басен, что с технической точки зрения я вполне способен выполнять предлагаемую работу, он решил выяснить, насколько я буду ему полезен с точки зрения утоления его тревог.

– Скажите, Андрей, а почему вы хотите работать в нашей компании? – спросил он.

Вопрос звучал более чем стандартно, но в данном случае я понимал, что на самом деле хочет узнать мой собеседник.

Он просто жаждет услышать, что самая моя главная цель – это избавить его от опасностей, оградить от нападков врагов и охранять его покой в глубине его кабинета, в котором в идеале он, попав туда в девять часов утра, безмятежно и, наверное, даже вполне эффективно просидит до шести часов вечера, и никто не будет пытаться его оттуда вытащить.

Разумеется, если бы я ответил на его вопрос именно такими словами, то звучало бы это, мягко говоря, ненатурально, поэтому мне пришлось быть не настолько прямым в изложении предмета.

– Понимаете, – начал я, опустив задумчиво глаза, изображая таким образом якобы неконтролируемо возникший порыв откровенности, – мне хочется сделать нечто, как бы это сказать, масштабное, что ли. Полностью взять на себя какой-то кусок деятельности крупной компании, какой-то проект и довести его до результата. Чтобы этим результатом можно было гордиться. И чтобы ни у кого не было сомнений, в том числе и у меня самого, что это моя заслуга, ну или той команды, которую я возглавляю.

Судя по тому, что положительный настрой Сергея, я почувствовал, усилился, моя тактика оказалась успешной. Но судя по его следующему вопросу, я слегка коснулся области, которая его беспокоит.

– Кем вы себя видите: руководителем или самостоятельным менеджером? – спросил он, очевидно, пытаясь бесхитростно выяснить, какова вероятность того, что я его подси-

жу.

– Для меня это непринципиально. Работать одному, входить в команду или руководить ей – это всего лишь вопрос инструментария, который выбирается в зависимости от условий работы по принципу достижения наибольшей эффективности. У меня нет каких-то неконтролируемых амбиций, которые требуют во что бы то ни стало иметь подчиненных. При этом у меня есть некоторые навыки управления командой, которые могут быть полезны компании. Если в данном конкретном случае с точки зрения достижения результата будет необходимо их применить, я это сделаю. Если рядом окажется сотрудник, который по каким-то причинам может сделать это лучше меня, – я без колебания уступлю ему место.

Сергей откинулся на стуле, расплываясь в незаметной для него самого самодовольной улыбке. Мне стало совершенно ясно, что я надавил на правильные кнопки сидящего передо мной человека. Он задал еще несколько стандартных вопросов – про причины ухода с предыдущего места работы, мое видение себя через пять лет, достижения, которыми я горжусь, и тому подобную чепуху. Но у меня не было ни капли сомнений, что про себя решение он уже принял и теперь всего лишь соблюдает формальности.

Спустя тридцать минут мое собеседование было закончено, и я был снова оставлен в одиночестве. В таком состоянии я провел еще минут пятнадцать, спустя которые появи-

лась Алла и сообщила мне, что была идея показать меня директору по продажам, но он сейчас встретиться никак не может, поэтому пока что на этом все и они со мной еще свяжутся. После этого меня проводили к лифту и там отпустили, предоставив возможность самостоятельно покинуть здание. Так закончилось мое первое прикосновение к большому нефтяному бизнесу.

Не спеша прогуливаясь в направлении от офиса, я размышлял на тему полученных впечатлений. Честно говоря, мои представления об игре под названием «большая нефтяная компания» уже претерпели первые изменения, и изменения эти были значительными. Первые два представителя этой игры разительно отличались от предварительно сформированного стереотипа. Я по своей наивности рассуждал следующим образом: чем круче менеджер, тем сложнее задачи он должен выполнять и тем больше денег должен получать. А где самые сложные задачи и возможность платить самые большие деньги? Ну, разумеется, в больших компаниях, там, где миллионные бюджеты и миллиардные доходы. Значит, все самые лучшие должны автоматически стекаться сюда, причем на всех уровнях. Не говоря уже о том, что в крупных компаниях иначе формируется отношение к деньгам и сама система обращения с ними. В маленьких фирмочках владелец – он же и директор, а следовательно, считает каждую копейку, потраченную внутри его собственности. В большой компании иерархия принятия решений настолько

велика, что образуется большое количество людей, которые имеют возможность распределять огромные объемы не своих денег. Поэтому они могут быть распределены не исходя из максимизации собственного дохода, а на пользу компании в целом, как то: на зарплаты самым талантливым сотрудникам, на их поиск и развитие. А иначе и быть не может, ведь те, кто распределяет деньги по описанным выше причинам, – самые что ни на есть лучшие менеджеры на свете. Вот такой вот круговорот общего благоденствия родился в моей голове, но разбился о первый же опыт общения с представителями этого самого предполагаемого благоденствия.

Судя по всему, что-то в моем построении было изначально ошибочно, чего-то я не понимал, и это что-то было причиной рождения на свет вот таких вот недорослей корпоративного мира, с которыми мне пришлось сегодня столкнуться. О том, что я ошибся в определении характеристик моих собеседников, и речи быть не могло: прошлое модератора не давало мне такой возможности. Значит, система была не так идеальна, как я ее представлял, и процент гениальных менеджеров в нефтяных компаниях был слегка ниже ста. В любом случае я не собирался отступать при образовании первого же сомнения. Времени у меня было достаточно, а готового плана, на что его можно еще потратить, у меня пока не было.

Глава 4. Максим

Оказавшись на улице, я столкнулся с тривиальной дилеммой трехмерного игрового мира, а именно: куда переместить своего героя в рамках дальнейшего развития сюжета. В связи с тем, что город мне знаком не был, никаких традиционно сложившихся способов впустую потратить здесь время в моем арсенале не имелось. Да и как с пользой здесь его провести – я тоже не совсем себе представлял. Можно было, конечно, вернуться в съемную квартиру и провести вторую половину дня в одиночестве за благородным чтением книг, но такого времяпрепровождения у меня было с избытком в последние пару десятков месяцев. Поэтому я решил воспользоваться декорациями большого города и провести вечер где-нибудь в общественных местах.

Есть некоторое количество универсальных типов мероприятий, которые могут дать интересный досуг практически в любой заселенной точке планеты. К ним относятся, во-первых, осмотр достопримечательностей, или, проще говоря, интересных мест, которые раньше не видел, и, во-вторых, поглощение пищи, которую раньше не пробовал. Огромные массы людей перемещаются по планете в свободное от продуктивной деятельности время в рамках именно этих мероприятий. Видимо, одна из основных функций Большой Игры – получать новые впечатления в той или иной форме.

Не желая спорить с ее закономерностями, этим я и решил заняться.

Город, в котором я собрался жить, по какому-то всеобщему установлению славился своей архитектурой. Архитектура эта была относительно молодая, по европейским меркам даже, можно сказать, современная. Сделанная за раз по проекту и, на мой неискушенный взгляд, достаточно однообразно. Но в нашей большой стране было общепринятой традицией, несмотря ни на что, архитектурой этой восхищаться, причем до такой степени, которая позволяла местным жителям пренебрежительно относиться ко всем остальным городам своей родины.

Всего лишь двухчасовая прогулка позволила мне настолько привыкнуть к местному характерному стилю, что повторяющиеся без конца виды перестали приносить радость получения новой информации, что с учетом потраченной на передвижение энергии неуклонно привело меня в заведение общественного питания. Им стал ресторан на центральной улице, выбор на который пал исключительно на основе презентабельности его внешнего вида, специализации на приготовлении стейков, которая следовала из его названия, и моей приверженности к поглощению такого рода блюд. Вечер только начинался, поэтому заведение было полупустым, а ассортимент свободных столиков широк. Я выбрал место в углу, лицом к залу. Подошедший официант, не успев даже всучить меню, получил от меня заказ на боль-

шой стейк и бокал виски.

В соответствии с моим пожеланием напитков мне принесли сразу, поэтому к тому моменту, когда передо мной оказалось мясо, я находился уже в настолько приподнятом настроении и с таким сильным чувством голода, что первые его куски показались мне самым вкусным яством из тех, что я пробовал за всю свою жизнь. Возможно, это было и предвзятое суждение, тем не менее стейк был и впрямь отличным.

Пока я наслаждался простыми аспектами своей реальности, заведение заполнялось, и вскоре почти все места были заняты.

За соседним от меня столиком оказался парень примерно моего возраста, который так же, как и я, коротал вечер в одиночестве. Кроме этого факта мое внимание привлек неожиданный мысленный затык, с которым я столкнулся, когда назвал его про себя словом «парень». Дело в том, что, поскольку данный персонаж совпадал со мной по полу и возрасту, он как бы входил в тот подвид, к которому причислял себя и я, а следовательно, его определение автоматически становилось и определением моим собственным. А я как-то внутренне не был согласен с тем, чтобы меня называли «парень». Поэтому я мысленно начал примерять к нему, а вместе с ним и к себе, различные возрастно-гендерные определения и с удивлением обнаружил, что не могу найти такое, которое меня бы полностью устраивало. Если «парень» звучало слишком фамильярно и, на мой взгляд, все-таки не со-

всем соответствовало нашему возрасту, то «молодой человек» не подходило, поскольку такое к нам обращение звучало гармонично только из уст женщины за сорок, «мужчина» отдавало очередь в ЖЭКе или паспортном столе, а «мужик» было слишком алкогольно-пролетарским.

Оставив тщетные попытки получить удовлетворительное определение, я зацепился за другую мысль, а именно: почему определение «молодой человек» в нашем языке однозначно относится к человеку мужского пола? Ведь строго говоря, женщина тоже человек и, несомненно, может быть человеком молодым.

Пока мои мысли, слегка спутанные к тому моменту уже двумя порциями виски, бестолково слонялись по закоулкам таких вот случайных тем, взгляд мой, также случайным образом, был направлен на того самого персонажа за соседним столиком, которому я так и не смог дать приемлемое определение. Когда я это понял, оказалось, что персонаж так же пристально смотрит на меня.

На его лице мелькало выражение неуверенного узнавания. «Не дай бог какой-нибудь одноклассник», – мелькнула мысль. Социальные нормы совершенно четко говорят нам о том, что встреча с одноклассником в таких обстоятельствах обязана обернуться попойкой с человеком, который тебе совершенно неинтересен. Ведь тот факт, что в течение многих лет ты ни разу не пожелал с ним встретиться, бесспорно, свидетельствует о том, что он тебе безразличен.

– Я прошу прощения, – обратился ко мне сосед. – Это не вас я сегодня видел в переговорной вместе с кадровиком?

«Не одноклассник», – облегченно подумал я и ответил утвердительно.

– Ага, понятно, – произнес сосед и откинулся на стуле, изобразив задумчивость.

Спустя некоторое время пребывания в такой позе, когда я уже было решил, что на этом наше общение окончено, он снова наклонился в мою сторону и спросил:

– А вы уверены, что вам это нужно? Хотите, отговорю?

Поскольку в этот вечер, судя по моим малофункциональным размышлениям, которые предшествовали этому разговору, от пребывания в одиночестве уже вряд ли могло получиться что-нибудь полезное, при том что, напротив, общение с сотрудником компании, в которой я собрался работать, накануне финального собеседования было весьма кстати, я ответил:

– Интересно послушать! Меня Андрей зовут.

– Максим.

– Если вы больше никого не ждете, то предлагаю пересесть ко мне, – предложил я Максиму.

Тот неопределенно махнул рукой, то ли показывая, что ждал, да не дождался, то ли выражая в принципе безразличие к такой постановке вопроса, и пересел.

– Предлагаю перейти на «ты» и в рамках этого перехода, для начала, взять еще по одной, – выдвинул я идею.

Мой новый собеседник подтвердил свое согласие уверенным кивком и призывно махнул официанту.

Сделав заказ, я вопросительно уставился на нового собеседника, подталкивая его тем самым к началу воспроизведения того монолога, ради которого он не смог удержаться даже от обращения к незнакомому человеку.

Максим не заставил себя уговаривать и начал незамедлительно:

– Дай угадаю, ты думаешь, что идешь на работу в суперкрупную, а значит суперкрутую компанию, в которой работают крутые профессионалы. Потому что только такая крупная компания может позволить их себе нанять. И поэтому там ты увидишь настоящий суперсложный и эффективный бизнес?

– Ну, может, без такого количества приставок «супер», но в целом да, так и думаю, – ответил я честно.

– Вынужден тебя разочаровать. Думать так ты будешь недолго, а именно до тех пор, пока не столкнешься с необходимостью что-нибудь сделать и в конце получить результат. И тогда ты поймешь, что приставка «супер» подходит только к размеру, а все остальное в вышеупомянутом списке находится на уровне первых месяцев после Великой Октябрьской революции, когда к власти пришел пролетариат, то есть, извините, работяги. Но твоя судьба сложилась иначе, и в силу стечения обстоятельств я могу предотвратить потерю нескольких месяцев, а может, и лет твоей жизни, в зави-

симости от усидчивости, и расскажу все как есть прямо сейчас, – огласил преамбулу к своему повествованию Максим.

– Интересно, – только и нашел я что ответить.

– Как я и говорил, компания действительно большая, просто огромная, и конца и края ей нет. Вот только величина эта рождена не эффективностью бизнеса, основанной на грамотности ее руководства, а усилиями государства и доступом к полезным ископаемым, тем же государством обеспеченным. То есть внизу – нефть, сверху – господдержка, а вот что посередине – это отдельная песня.

Посередине просто куча людей, разбитая в соответствии со случайным образом созданной штатной структурой на должности, отделы, управления, департаменты и так далее. Люди эти только догадываются о том, что должны делать, в основном по названию своих должностей и подразделений. Практически они бессистемно тушат пожары рутинной работы, которая позволяет превращать нефть в бабло. Но это происходит настолько произвольным образом, что половина этой толпы почти ничего не делает, а вторая половина вкалывает с утра до ночи и по выходным. При этом опять же половина той работы, которая с таким надрывом и самопожертвованиями все-таки совершается, вообще никому не нужна, потому как не приносит никаких материальных результатов, поскольку образовалась опять-таки стихийно, то есть случайно.

Так вот, а сверху над всем этим – некоторое количество

топ-менеджеров, нанятых за большие деньги благодаря имеющимся у них серьезным связям. Большинство из них тоже так себе специалисты и всего вышеописанного не понимают, а те, кто понимает, внимание на этом не акцентируют, поскольку получают такие бабки, которые им платить больше нигде не будут. Все вместе они сильно заняты процессом оправдания своего наличия за эти самые бабки в компании, поэтому, во-первых, жестко контролируют абсолютно все в ней процессы путем личного согласования всего того треша, что творится внизу, а во-вторых, спускают туда свое мудрое видение, как это все надо делать. В результате описанным выше бедолагам, помимо тушения своих операционных пожаров, приходится тушить идеи, которые спускаются сверху, причем при этом все действия с этим же верхом согласовывать. Результатом становятся колоссальные беспорядочные и бестолковые информационные потоки, которые транслируются сверху вниз и снизу вверх.

Это я тебе сейчас рассказал о крутости компании. Теперь – о «крутых» профессионалах, которые здесь должны, судя по твоей логике, работать. Так вот, их здесь нет и быть не может. Все по-настоящему грамотные специалисты знают то, что я тебе только что рассказал, поэтому в такую клоаку они не пойдут никогда и ни за какие деньги. Ну, это я про спецов среднего звена, не топов, конечно. Размер доходов последних находится совершенно в другом поле этических и мотивационных компромиссов. Судьба же обычных

сотрудников, которые, по своей наивности, сюда попадают и не увольняются в течение первых месяцев, выглядит следующим образом. После короткого периода эйфории на тему работы в такой крупной компании наступает первый этап, когда человек осознает, куда попал. Этот этап знаменуется сильнейшим возбуждением вплоть до швыряния телефонных трубок об стену с криком «так работать невозможно». Связано это с тем, что работник осознает, что самое его элементарное действие на пути к самой простейшей цели требует такого колоссального количества бюрократических усилий и таких сложных коммуникаций внутри компании, что эффективность его работы находится на уровне погрешности оценки. То есть делает он что-то или не делает – результат примерно одинаковый. Здесь он понимает, что принципиально возможны три пути. Первый – это уволиться, пока не поздно. Второй – ничего не делать вообще, все равно результата нет. Третий – путь для отличников: пыхтеть-таки, продираясь к цели и достигая хоть какого-то, пусть мизерного, но результата.

Если сотрудник решает все-таки остаться в компании, то независимо от выбранного пути наступает второй этап – этап адаптации. Человек перестает так остро реагировать на окружающую действительность и приходит к выводу, что хотя это все и ядерный маразм, но адаптироваться и работать можно. На этом этапе еще не все пропало и человек для нормального мира еще не окончательно потерян. Но вот потом

наступает самое страшное: привыкнув к такой вот извращенной действительности, специалист не просто начинает считать, что так жить хоть и сложно, но можно, а начинает верить, что так и надо работать. В таком случае его уже не спасти. Происходят необратимые изменения в мозгу. Больше его никуда работать не возьмут, потому что он нигде работать больше не сможет.

Вот именно поэтому я призываю тебя, Андрей, не ходить туда. А если все-таки пойдешь, то будь осторожен, есть вероятность, что это будет твой последний карьерный шаг, – с торжеством в голосе окончил Максим свою речь.

– Веселая перспектива, – признался я. – А ты на каком этапе?

– Я на втором. Честно говоря, есть все-таки один обнадеживающий момент. Те, кто остался, необязательно должны скатиться к приятию новой действительности как данности. Есть некоторая часть работников с высокой степенью осознанности и самоиронии, которые прикалываются над системой и могут существовать в ней неограниченное количество времени без риска быть испорченными. Этакие интеллектуальные панки. В общем, в нашем колхозе работают панки, роботы и те, кто еще не определился.

– Ну вот видишь, не все, значит, так уж плохо, – выразил свою надежду я.

– Странно, – удивился Максим. – Честно говоря, я ждал более бурной реакции на мои инсайдерские откровения.

Мой собеседник выглядел раздосадованным, воодушевление собственным ораторским искусством сменилось на разочарованную замкнутость, вызванную равнодушием неблагодарного слушателя, в данном случае меня. Максим даже не подозревал, насколько ему или любому другому человеку в этой огромной компании далеко до уровня осознанности и самоиронии, которые свойственны антивирусу, то есть мыслящей программе, то есть мне.

– Максим, ты не расстраивайся, что я не испугался, – начал успокаивать его я. – Ты очень все красиво и доходчиво рассказал. Но дело тут исключительно во мне. У меня особенность такая психологическая есть. Я, как бы это сказать, не очень верю в объективно существующий смысл вообще всего, что происходит в этом мире. Для меня это как бы все игра, и чем замороченнее, тем, наоборот, лучше. Да и на результат мне плевать, все равно результат у нас у всех в этой игре один.

– Ну так-то да, – согласился он. – Значит, не отговорил?

– Не, не отговорил.

– Ну ладно. Я, как говорится, сделал все, что мог, и умою руки с чувством выполненного долга. Ты вроде дядька осознанный и пострадать сильно не должен. Так что давай, может, я тебе тогда советом каким подскажу. Ты с кем уже встречался?

– С кадровичками встречался: какой-то девушкой – не помню, как зовут, – и Аллой, – начал перечислять я.

– Ну, это понятно. От них ни толку, ни решений, но быть должны – суппорт как-никак. Девочку, которую ты не запомнил, кстати, Дарина зовут. Хорошая, но бестолковая.

– Еще с Сергеем.

– Ага, как прошло?

– Ну, судя по тому, что хотели повстречать еще и с директором по продажам, хорошо, – высказал я догадку.

– Это не факт! – осадил меня Максим. – Этот человек панически боится принимать решения, так что какое бы мнение у него ни было, он предпочтет свалить ответственность окончательного вердикта на кого-нибудь другого. При этом на этот вердикт он попробует повлиять только в том случае, если ты ему действительно понравился. Поэтому все-таки важно, как прошло. А вообще, что ты о нем думаешь? Ведь если с ним встречался, то он в начальниках у тебя потенциально ходить должен.

– Что я могу сказать? – я сделал паузу, будто только сейчас анализировал свои впечатления от обсуждаемого собеседования в попытке дать ему лаконичную характеристику.

На самом же деле я пытался проанализировать беседу текущую и понять, что за человек этот непонятно откуда взявшийся Максим. Чутье подсказывало, что он совсем не прост. В его общении со мной было что-то более значительное, чем просто желание подвыпившего офисного работника охаять родную компанию перед случайно подвернувшимся слушателем. Демонстрируя на лице глубокую задумчивость чело-

века, не привычного к такому роду размышлений, которых ждал от меня собеседник, я тем временем анализировал свои подозрения на предмет их обоснованности. Нормально ли это, что незнакомый человек, который видел меня случайно в офисе, решил вдруг разоблачить передо мной своего работодателя? С учетом принятого им алкоголя и особенностей русской ментальности, которая ведет к непреодолимой тяге к унижению всего окружающего, а через них и себя самого, – вполне может быть нормально. Но подозрительнее было другое. Максим не просто заметил меня в компании, но и запомнил, при этом я, несмотря на свою память бывшего модератора, его не помнил совершенно. А это значит, я его, скорее всего, не встречал. А каким образом могло получиться так, что он меня заметил, а я его нет? Он видел меня на самом деле на фото? Наблюдал за мной через видеокamera? Ни тот ни другой вариант мне не нравился.

Кто же этот Максим? Сотрудник Агентства, который тянет время, чтобы дождаться подкрепления? Не похоже. Времени прошло достаточно. Возможно, засада меня ждет на выходе? Да вряд ли все так сложно, надо было бы – положили бы прямо здесь и сейчас. Значит, не контора? Может, он эсбэшник из компании, в которой я проходил собеседования? Говорят, некоторые нефтяные монстры, особенно государственные, сдвинуты на безопасности, у них там не только в СБ силовики сидят, но и кадровая служба наполовину состоит из фэсэошников.

Несмотря на то что ни к какому решению по поводу Максима я так и не пришел, я сделал для себя заключение, что, может, это, конечно, и паранойя, но пока я не сказал ничего особенно лишнего, общение неплохо было бы и закруглить.

Тем временем Максим ждал от меня характеристики моего потенциального начальника, и я решил ее дать с учетом предположения, что мой собеседник все-таки, как это ни дико звучало, сотрудник безопасности моего будущего работодателя.

– Сергей мне понравился. Грамотный специалист, конкретный в общении. Мне бы было комфортно с ним работать.

Максим второй раз за вечер принял обескураженный вид.

– Ты или совсем в людях не разбираешься, или зачем-то безбожно гонишь! – сделал он вывод. – Менеджерская импотенция этого персонажа настолько очевидна, что я не знаю ни одного человека, который не обнаружил бы ее в первые же пять минут общения.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь. Возможно, это на фоне высоких требований вашей компании? В любом случае его же назначили руководителем. Не может быть все так плохо, – парировал я.

– Про высокие требования нашей компании я тебе все уже подробно рассказал. Не делай вид, что уже забыл. Так что, значит, ты просто гонишь, – сделал вывод мой собеседник. – Ладно, предположим, что вы действительно друг другу по-

направились. Не могу знать, что там у вас получилось, но сердце твоего потенциального начальника можно завоевать железно совокупностью двух фактов. Во-первых, ты возьмешь на себя часть его проблем и ответственность за них – и чем больше, тем лучше, – и, во-вторых, ты дашь ему уверенность, что не подсидишь его. Если он в оба факта поверил, то, несмотря на свою трусость, будет бороться за то, чтобы тебя взяли.

То ли Максим хорошо знал Сергея, то ли он был весьма проницателен, поскольку его оценка совпадала с моей, а моя, как известно, была высокопрофессиональной. Подозрения в причастности Максима к подосланным от этого только укрепились.

– Я сделал все, чтобы убедить его в том, что работать я буду на совесть и человек я порядочный. И это вполне можно интерпретировать так, как ты обозначил выше, – сдержанно ответил я.

– Хорошо. Кто следующий? Дима? Директор по продажам?

– Да, он.

– Ну тогда слушай про него. У него свой бизнес по перепродаже всего того, что производит наша большая нефтяная компания. По большому счету ему совершенно до лампады, что в ней происходит. Главное, чтобы компания работала и ему никто не мешал на этом зарабатывать. Поэтому в плане твоего собеседования он может преследовать лишь

две, причем диаметрально противоположные, цели. Первая, и это лучший для тебя вариант, – собеседование будет чисто формальным. Просто он по должности должен собеседовать всех продавцов. С целью выполнить этот долг он задаст тебе пару вопросов и отпустит. И забудет про тебя навсегда. Вторая, и это худший для тебя вариант, – он тебя завернет. Просто ради того, чтобы продемонстрировать свое активное участие в управлении продажами компании. Причем сделано это будет вне зависимости от твоих профессиональных качеств, ведь в нашей стране чем неадекватнее и жестче решение, тем руководитель считается круче.

– И как бороться со вторым вариантом? – спросил я.

– Ну, если поймешь, что тебя заворачивают, – а если это будет происходить, то ты точно поймешь, потому как делаться это будет демонстративно, – надо показать, что ты ему можешь оказаться полезен и что завернуть другого, следовательно, будет ему выгоднее.

– И чем я могу быть ему полезен?

– Здесь, брат, я тебе не помощник. Чем ты можешь быть полезен такому человеку – это я за тебя придумать не смогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.